

Заключение

Я не хотел бы подводить итоги. Мне хочется только повторить слова Монтеня: Это искренняя книга, читатель. Она есть продукт долгих поисков и размышлений, которые продолжаются и сейчас, и я не хочу останавливаться. Я изложил свои мысли по возможности ясно, не скрывая при этом их незавершенности. Я далек от того, чтобы считать предложенные решения окончательными. И я, вероятно, долго еще не писал бы эту книгу, ибо думать и искать гораздо интересней, чем писать и подводить итоги. Окончательным толчком послужила басня Козьмы Пруtkова:

Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.
Читатель! он тебе не попадался?

Я вдруг понял, что басня эта про меня и что нельзя нести свое «молоко» до бесконечности. И читатель меня так и не встретит, да и молоко прокиснет.

Если меня спросят, что я считаю главным в этой книге, я отвечу: главное – это решение проблемы способа бытия семиотических объектов. Нельзя исследовать знаки, знание, науку, литературу, не выяснив в принципе, с объектами какого рода мы имеем дело. Возьмем хотя бы такое явление, как смысл знака или предложения. Стоит с этим столкнуться, и начинаются удивительные приключения человеческой мысли в его попытках схватить и тривиализировать довольно нетривиальную ситуацию. «Слово “смысл” (meaning) – своеобразная «блудница» среди слов, – пишет К. Черри.– Это коварная искусительница, способная совратить писателя или оратора с праведного пути интеллектуального безгрешия»¹. И трудность прежде всего в том, что смысл, или содержание текста, словно сопротивляются отторжению от исследователя, их никак не удастся «оттолкнуть» на нужное для объективного анализа расстояние. Мне, кажется, это удалось с помощью таких представлений, как социальные эстафеты и куматоиды. Я лично не склонен преуменьшать значение этих понятий.

А все остальное – это попытка разъяснить и детализировать исходное принципиальное решение. Я убежден, что мне пока не удалось сделать это с должной полнотой. В книге есть противоречие между значимостью замысла и его реализацией. По крайней мере, таково самоощущение автора. И это не случайно. Анализ эстафетных структур знания и науки наталкивается на существенные трудности в силу отсутствия какой-то объективной методики. Думаю, что это можно преодолеть. Кроме того, у меня нет адекватных изобразительных средств, с помощью которых можно было бы такие структуры зафиксировать и сделать изложение более наглядным. Я иногда чувствую себя так, как химик, если бы он не имел возможности написать структурные формулы химических соединений.

Предложенное решение проблемы способа бытия – это в определенном смысле тяжелое решение. Прежде всего, оно

---

¹ Черри К. Человек и информация. М., 1972. С. 144.

накладывает на исследователя много строгих ограничений, оно ограничивает его столь привычную в этой области свободу. Я уже много лет чувствую на себе оковы этого решения. Мы так привыкли заимствовать результаты научной рефлексии, так привыкли излагать содержание социальных норм, не задумываясь, о том, что именно мы делаем... И вдруг на все это накладывается запрет. Создается впечатление, что богатейший мир знания и науки, который ты исследуешь, вдруг померк и погас, потерял разнообразие красок. Тебе решительно нечего сказать, ибо мир эстафетных структур, хотя и заявлен, но еще не открыт. И если в мире рефлексии на тебя работает огромное количество умных и даже великих людей, то здесь ты должен начинать заново.

Есть основания полагать, что Т.Кун хотел пойти по тому же пути. Джон Хорган, которому удалось взять у него интервью, рассказывает, что в одной из статей Кун ввел понятие «образец» взамен парадигмы, но затем отказался от него. «Послушайте, если вы ухватились за хвост медведя, – сказал Кун по этому поводу, – наступает момент, когда вы должны его отпустить и отступить»². Означает ли эта фраза, что Кун натолкнулся на трудности, с которыми знаком и я? Не знаю. Вероятно, однако, что на интервьюера фраза произвела впечатление, ибо интервью сопровождается фотографией с такой подписью: Способен ли Кун «отпустить медведя»?

Насколько крепко я сам ухватился за этого «медведя» и не совершил ли при этом роковую ошибку, судить читателю. Мне же остается только повторить слова Габриеля Тарда, одного из основателей «волновой социологии»: «Подобно тому, как семя, упавшее на землю, может найти ее для себя недостаточно пригодной, я тоже мог оказаться недостаточно подготовленным для развития моей идеи. Желательно, чтобы в таком случае она, благодаря этой книге, могла быть усвоена умом, лучше подготовленным для ее надлежащей культивировки»³.

---

² Хорган Дж. Революционер поневоле // В мире науки. 1991. № 7. С. 95.

³ Тард Г. Законы подражания. Спб., 1892. С. II.